

Сисли выглядел так, будто весь окружающий мир был ему совершенно безразличен.

По его блеклым глазам невозможно было угадать хоть какие-то эмоции.

На черно-белом снимке он казался куда моложе, чем сейчас, – на щеках еще сохранялась детская припухлость.

Цзян Яоцин опустил взгляд ниже. В заметке сообщалось, что данный приют является частным благотворительным проектом и будет сотрудничать с Государственным Научно-Исследовательским Институтом.

Государственным... Научно-Исследовательским Институтом?

Взор Цзян Яоцина замер на этих словах. Какое отношение сиротский приют может иметь к научному институту?

Неужели приют создали лишь для того, чтобы под видом благотворительности поставлять сирот для лабораторий?

Полный сомнений, Цзян Яоцин продолжил читать. Ниже шло краткое представление основателя учреждения.

Всего пара предложений – полезной информации мизер.

«Звезда благотворительности – Сун Цинхэ».

Газета ограничилась лишь этой скупой строчкой и портретом мужчины в очках.

На вид ему было около сорока пяти лет, однако, учитывая, что бизнесмены часто выглядят старше своих лет, Цзян Яоцин дал ему не больше тридцати восьми.

Информации кот наплакал.

Однако скудость сведений – это тоже сведения.

Это прямо указывало на то, что Сун Цинхэ пытался скрыть лишние детали. Иначе с чего бы предпринимателю упускать такой шикарный повод для самопиара в прессе?

Запомнив имя Сун Цинхэ, Цзян Яоцин перевернул полосу.

На обороте пестрел короткий абзац текста.

И две иллюстрации.

Именно эти картинки первым делом приковали взгляд Цзян Яоцина.

На первой изображалось уродливое, поистине жуткое лицо: потрескавшаяся кожа была сплошь усыпана человеческими глазами. Подпись снизу гласила: «Ангел».

Второе же лицо отличалось невероятной красотой: утонченные черты, завлекающий разрез глаз – даже через газетную бумагу этот образ внушал подсознательную тревогу.

И подпись под ним: «Дьявол».

Между двумя портретами ютился следующий текст:

«Дьявол пленит людские сердца своей красотой, Ангел же отпугивает Дьявола своим уродством.

Дьявол рождается из трепета и ужаса вашей души. Когда вы боитесь его, но всё же вынуждены молить о помощи, пленившись его ликом, – именно в этот миг Дьявол пожирает вас без остатка».

[Текущий прогресс: 70%]

Едва Цзян Яоцин дочитал отрывок, как снова раздался сигнал системы.

Уже семьдесят процентов.

Похоже, ценность информации в этой газете превзошла все его ожидания.

Сложив газету и сунув ее в карман, Цзян Яоцин заметив под матрасом еще и рисунок.

Судя по всему, его нарисовал местный «он».

Гуашевый рисунок выходил корявым, краски затекали за края.

От агрессивного цветового контраста у Цзян Яоцина заломило в висках, а пульс отозвался резкой болью.

Это ощущение до боли напоминало то, что он испытывал при взгляде на детскую мазню в коридоре приюта «Рай».

Те же огромные цветочные пятна, то же дикое, режущее глаз сочетание, вызывающее тошноту и головокружение.

Становилось очевидно: в момент создания рисунка душевная целостность «Цзян Яоцина» уже дала трещину.

Или же...

Цзян Яоцин вспомнил строки из найденного дневника.

С самого первого дня в приюте «Цзян Яоцин» уже не был нормальным.

Этот приют – вовсе не приют. Это психбольница.

Система промолчала, шкала прогресса не сдвинулась ни на процент.

«Ошибся?»

Какая еще могла быть трактовка?

Цзян Яоцин поднялся и перевел взгляд на койку Сисли.

Что ж, пора переворачивать второй матрас.